

Хаим Радбиль: как социалист-еврей депутатом Центральной Рады стал

Студенческий билет Хаима Радбиля

Радбиль в преклонные годы

Хаим Радбиль — участник двух русских революций, депутат украинской Центральной Рады, гласный винницкой Думы, адвокат, издатель и публицист... Человек, которым могла бы гордиться родная Винница.

Хаим родился 14 февраля 1888 года, его мать была дочерью купца второй гильдии, а отец — Бенюмин — состоял членом правления Немировской синагоги Винницы, а после 1917 года оставался ее бессменным старостой.

Бенюмин Радбиль занимался торговлей зерном и имел приличную недвижимость в центре города (в «первой части», как тогда говорили). До октябрьского переворота старому Радбилю принадлежал дом на Большой Бульварной, стоявший напротив особняка героя Первой мировой — генерала Брусилова.

У Хаима было три брата: Самуил, Аврум и Мойше. Наиболее загадочна фигура старшего — первой гильдии купца Самуила — «хлебника» из Одессы. О его деяниях повествует лаконичная заметка в газете «Русское слово» от 17 июля 1910 года: «Сегодня из Одессы скрылся крупный хлебный экспортер Радбиль, получивший громадные ссуды под фальшивые коносаменты. Пока установлено получение Радбилем по фальшивым документам до трехсот тысяч рублей».

Хаим Радбиль получил домашнее образование, успешно выдержал экстерном экзамены за курс семи классов Винницкого реального училища, после чего поступил в Императорский Новороссийский университет в Одессе на юридический факультет. Его однокурсник, замечательный поэт Дон-Аминадо — в миру Аминодав Пейсахович Шполянский — с сарказмом описывал безрадостную атмосферу, царившую в стенах этого учебного заведения.

«Новороссийский университет, — писал Дон-Аминадо, — был одним из самых мрачных во всей империи. А еще мрачнее и бездарнее был его юридический факультет. Все эти профессора, читавшие ...государственное право, политическую экономию, римское право, уголовное право, и все прочие права, — все они... были каким-то злым и хитроумным чертом собраны с единственной целью — сразу отбить охоту и к науке, и к праву...».

Юный идеалист, увлеченный идеями социальной справедливости, Радбиль смотрел на жизнь с большим оптимизмом, нежели Шполянский; учился он легко и не был анахоретом. В студенческие годы Хаим знакомится с юной одесситкой Дорой Левковой, летом 1909 года они вступают в брак, а весной 1911-го Радбиль с женой и дочерью Надеждой возвращается в Винницу, где начинает юридическую практику помощником присяжного поверенного.

Еще в 1905 году юный Хаим вступил в винницкое отделение партии «Поалей Цион», а затем стал одним из лидеров отколовшейся от поалейционистов местной группы СЕРП. Это была партия немарксистского толка, которая в аграрных вопросах всегда солидаризировалась с эсерами. Серповцы видели в еврейской общине базу для создания еврейской автономии во главе с национальным парламентом. После февральской революции СЕРП вышла из подполья и объединилась с сионистами-социалистами, образовав Объединенную еврейскую социалистическую рабочую партию, органом

которой в независимой Украине стала киевская «Ди найе цайт». В этой газете печатался уроженец польского Билгорая Исроэл-Иошуа Зингер — впоследствии видный еврейский прозаик — в свое время даже более известный, чем его младший брат Исаак Башевис.

Винницкая ячейка СЕРП, в центре — Хаим Радбиль

Во время погрома в Виннице 20 октября 1905 года юный Радбиль состоял в штабе самообороны, а о расправе войск и полиции над отрядом еврейской самообороны рассказал в очерке «Четыре дня в октябре».

Когда мы подошли к Почтовой, сверху строем вдруг начали спускаться войска. С правого крыла — немолодой уже офицер в очках, впереди — несколько гражданских с портретами царя.

Мы ждали разбойников, но не ожидали их вместе с войсками. Офицер остановил роту и с минуту смотрел на нас. Толпа безоружных мальчишек с воспаленными глазами смутила его (палки были спрятаны в рукавах). Потом он крикнул: «Не смейте никого задевать! Будем стрелять!»

Несколько наших юношей громко ответили: «Никого не будем задевать. Не надо погрома».

Офицер погрозил пальцем, и войско пошло. Едва они прошли, как мы с удивлением увидели позади них огромную разномастную толпу с кольями и палками в руках и с большими корзинами, до краев чем-то наполненными и стыдливо прикрытыми...

Ванька, сын нашей соседки, прачки Домны, мой друг детства, среди них... Наши взгляды на миг встретились, тогда он вынимает камень из кармана и бросает его в меня, но не попадает...

Толпа погромщиков проследовала за войском; когда она почти вся прошла, с нашей стороны грянул выстрел. В тот же момент, как по команде, толпа разбойников повернула ...за нашей спиной прогремели выстрелы.

Через пять минут все стихло. У подъезда на лестнице слева лежал юноша. Он был мертв. На деревянном полу сидел смертельно бледный еврей в кожухе... Я твердо знаю, что оружия у нас не было. После выстрела провокатора офицер повернул войско и стрелял нам в спину.

Позднее Хаим напишет об одном из погибших товарищей: «Авнер — подпольщик, связной, присланный из центра. Он не знает никакого языка, кроме еврейского, и, когда выступает на митингах у синагоги, раскачиваясь, как еврей на молитве, его слова проникнуты такой революционной силою и верою... Он волнует на трибуне и был бы великолепен на баррикаде».

Район Винницы, по которому в 1905 году прокатился еврейский погром

В 1917 году Хаима Радбиля избирают депутатом Центральной Рады от Объединенной еврейской социалистической рабочей партии, имя его стоит и в числе кандидатов в Российское Учредительное собрание по Подольской губернии. Кроме того, в 1917 году Радбиль вместе с четырьмя другими кандидатами от еврейских социалистов становится гласным Винницкой думы. Он также руководит организацией выборов в Совет еврейской общины города и курирует местный еврейский театр. В тревожные ночи, когда ждали беды, Радбиль вместе с другими гласными находился на бессменном дежурстве, предпринимая все возможное, чтобы предохранить Винницу от разрушения и разгрома.

К счастью, профессиональным революционером Радбиль не стал, его призванием с юных лет была литература. В августе 1918 года он пишет стихотворный памфлет «Заседание Городской думы», опубликованный во втором номере сатирического журнала «Красный смех», а в 1919 году выходят его «Думские эскизы». Дружеский, игривый юмор буквально пронизывает строки памфлета:

Гласный Киль, плотный социалист, счастливый обладатель румяных щек, хорошего пищеварения и могучего голоса, состояль въ непримиромомъ спор

е съ падежами и наклонениями коварной русской речи. По вышеуказанной причине г. Киль предпочиталъ изъясняться въ Думе по-еврейски, после чего на гласныхъ, ближе знавшихъ русский языкъ, возлагалась Думой ответственная задача заняться переводомъ мыслей Киля.

Как только речь заходит о большевиках, тональность памфлета резко меняется: Радбиль считал их мутной накипью на взбаламученном революционном море.

Двенадцать низколобых, угреватых, прыщеватых апостолов царства социализма. Двенадцать рабочих и солдат, успевших за несколько месяцев революции нахвататься верхушек социалистического учения и исказить их в своем темном мозгу. Масса гласных большевистского списка пила чай, вкусно жевала хлеб, чихала, кашляла, плевалась, утиралась управской скатертью, богатырски сморкалась, аплодировала своим и иронически пересмеивалась над буржуазными ораторами.

Статьи Радбиля публикуются во многих изданиях, не говоря уже об «Известиях Винницкой городской думы», которые он редактирует. В это время он пишет сатирические драмы «Собачий залог» и «Вова-коммунист» и читает лекции в местном отделении Культур-Лиги.

Голосуйте за Объединенную еврейскую социалистическую рабочую партию, плакат, 1917

Дружеский шарж на Радбиля из газеты «Маяк», худ. И. Шафир. Из архива Александра Логинова

Не оставляет он и адвокатской практики: когда большевистский вожак Максимович попадает в плен к петлюровцам и предстает перед судом, его юридическая защита поручается присяжным поверенным Израилю Слуцкому и Хаиму Радбилю. «Когда я шел на фронт, то был уверен, что если попаду к украинцам — живым не останусь, — заявил на суде председатель революционной следственной комиссии при Подольском губернском революционном трибунале. — Но случилось иначе». После длительного и всестороннего рассмотрения дела Максимовича, как одного из главных инициаторов красного террора в Виннице, его таки приговорили к смертной казни. Однако большевик был помилован Главным атаманом УНР Симоном Петлюрой. Расстреляли Максимовича в конце 1919 года деникинцы.

Еще в Киеве, во время работы в Центральной Раде, Радбиль знакомится с еврейским поэтом, членом Культур-Лиги Давидом Гофштейном. Остро

ощущавший свою связь с еврейством, Хаим обладал поэтическим дарованием и хотел донести до читателя образцы современной еврейской литературы. В 1928 году он выпускает сборник «Из новых еврейских поэтов», где публикует свои переводы с идиша стихотворений Гофштейна, Маркиша, Гальперина и Квитко.

Разумеется, бывший депутат украинского парламента и гласный Винницкой думы, самым нелюбезным образом отзывавшийся о большевиках в печати времен Рады и Директории, Радбиль был для Советов лицом подозрительным. Стихи поэтов-идишистов, которые он перевел, скоро будут запрещены, а конец НЭПа означал прекращение издательской деятельности Радбиля. Кроме того, за плечами у него было членство в «Поалей Цион» — партии, ликвидированной большевиками в 1928 году.

Адвокат понимает, что не стоит искушать судьбу, и в конце 1929 года Радбили перебираются в Ленинград, где Хаим Бенюминович находит работу юрисконсульта в строительном тресте. Там в его жизни появится Рашель — знакомая с юных лет винничанка, с которой Радбиль оформит брак после развода с Дорой Левковой.

В 1933 году у Хаима и Рашель рождается дочь Элла, и в скором времени Радбили получают комнату в коммунальной квартире по адресу Таврическая, 27. Интересно, что до революции в этом доме квартировал «Союз имени Михаила Архангела» под председательством выпускника Новороссийского университета Владимира Пуришкевича. В квартире на Таврической семья Радбилей проживет до февраля 1942 года — то есть, эвакуации в Ташкент, по возвращении из которой Хаим Радбиль будет служить в юридической консультации на Литейном, 74.

В годы борьбы с космополитизмом Радбиля исключают из Коллегии адвокатов и увольняют с работы. Он уничтожает большую часть своего личного архива: стихи, мемуары, эссе, оставляя только книгу «Из новых еврейских поэтов» и сказку, написанную для внука еще в Ташкенте. Через пару месяцев его настигает первый инсульт, а через несколько лет — второй, и в марте 1956 года Хаим Бенюминович умирает.

Только завершился XX съезд, наступила оттепель. Гражданская панихида проходила в квартире Радбилей — большая комната заполнилась быстро, а

люди все шли и шли.

«Мой дед был заядлым пушкинистом и библиофилом и имел прекрасную библиотеку, — вспоминает внук Радбиля, Александр Швальбаум. — Чего там только не было: и академическое издание Пушкина, и «Фауст» Гете, и старинный альбом о жизни императора Павла, и книга по истории МХАТа, не говоря уже о замечательных альбомах по живописи».

Александр хорошо помнит и Рашель Львовну Радбиль — милую, интеллигентную женщину. После второго инсульта Радбиля парализовало, и Рашели пришлось продать почти всю его библиотеку, чтобы платить сиделке, которую они вместе с дочерью по очереди сменяли у постели больного.

В годы перестройки Александру Борисовичу выдали в Коллегии адвокатов личное дело его деда, которое он счел нужным передать Элле Радбиль. Элла Ефимовна скончалась, и дело Радбиля кануло в Лету. Но если оно когда-нибудь найдется, мы, безусловно, узнаем еще много интересного об этом замечательном человеке.

Хаим Бенюминович Радбиль сделал немало для родного города. Возможно, в один прекрасный день в Виннице, на улице Артынова, 2, установят мемориальную доску в его честь. Он это заслужил...

Елена Цвелик, специально для «Хадашот»